

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: к 900-летию создания

Сборник научных статей

*Под редакцией
д. и. н. Ю. В. Кривошеева,
к. и. н. Н. В. Штыкова*

издательство
олега добышко

Санкт-Петербург
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П421

П421 — «Повесть временных лет»: к 900-летию создания. Сборник научных статей. — Под ред. Ю. В. Кривошеева и Н. В. Штыкова. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. — 304 с.

ISBN 978-5-9500352-8-9

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории СПбГУ*

Сборник научных трудов представляет собой материалы проведенной 13–14 декабря 2013 г. кафедрой Исторического регионоведения Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета международной научной конференции «Повесть временных лет: к 900-летию создания». В ней приняли участие ученые научных центров России: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Институт славяноведения РАН, Институт всеобщей истории РАН, Академия российской словесности, Московский, Рязанский, Балтийский, Удмуртский государственные университеты, Российская Национальная (Санкт-Петербург), Российская государственная (Москва) и Президентская библиотеки, а также исследователи из Польши и Украины. Был представлен широкий круг проблем, связанных с изучением памятников древнерусской книжности и отражением в них событий и процессов отечественной и мировой истории.

Предлагаемый сборник, безусловно, будет интересен как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Рецензенты:

д. и. н., профессор Н. Г. Воробьева (Тверь),

д. и. н., профессор Ф. А. Селезнев (Нижний Новгород)

ISBN 978-5-9500352-8-9

9 785950 035289

© Коллектив авторов, тексты, 2018

© «Издательство Олега Абышко» (Санкт-Петербург),
оригинал-макет, художественное оформление, 2018

В. В. ПУЗАНОВ

«ЛЕТОПИСНЫЕ ПЛЕМЕНА»: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ

Проблема образования Древнерусского государства традиционно вызывает интерес у исследователей. И дело не только в норманнской проблеме, в трактовке особенностей восточнославянского политогенеза, общественно-политическом резонансе и т. п., но и в методологической составляющей: изучение процессов зарождения тех или иных социальных или политических институтов, явлений для историка представляет непреходящий интерес с точки зрения понимания механизмов и закономерностей исторического развития, выработки и апробации методологических и концептуальных схем. Рассматриваемая проблема является частью глобальной темы, связанной с выяснением закономерностей и этапов социальной эволюции на пути от первобытности к государству. В свое время Л. Морган высказал продуктивную мысль о том, что высшим этапом догосударственного развития общества являлся этап «военной демократии». Это положение прочно вошло в труды классиков марксизма и в советскую историографию. С середины 1950-х гг. начинается история американского неозолуционизма (Э. Сервис, М. Фрид, М. Салинз и др.), получившего широкое признание на Западе. Основоположники данного направления полагали, что высшей стадией догосударственного развития общества являлась не «военная демократия», а «вождество» — более жесткая и иерархическая структура управления. С конца 1970-х гг. эти идеи стали распространяться в советской историографии (А. М. Хазанов, Л. С. Васильев), а с началом 1990-х гг. они прочно входят в методологический

арсенал исследователей восточнославянских древностей. Многие современные историки поспешили объявить «вождество» универсальным и всемирным явлением, начав подгонку материала под жестко заданную схему. Одновременно все большую динамику набирают представления о многолинейности исторического развития, в рамках которых и «военная демократия», и «вождество» — это лишь один из возможных вариантов социальной эволюции¹.

Естественно, возникает вопрос: в какой степени эти методологические конструкции соответствуют восточнославянскому материалу? Не претендуя на окончательное решение проблемы, попытаемся предложить ряд ответов на поставленные вопросы.

Исследователи давно обратили внимание, что в начальной летописи Киевской Руси предшествуют особые образования: *поляне, древляне, северяне, словене, кривичи, радимичи, дреговичи, вятичи, уличи, тиверцы* и пр. В историографии за ними достаточно прочно закрепилось понятие «летописные племена». Однако мнения относительно типологии этих образований, их социальной природы разделились. Их называли «союзами племен», «племенными княжениями», «племенными княжествами», «федерациями племен», «славиниями», «вождествами». Соответственно, одни историки рассматривали их как объединения, целиком укладываемые «в систему родоплеменных отношений», другие — как раннегосударственные или предгосударственные образования².

¹ Подробнее см.: Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012.

² См.: Шаскольский И. П. 1) О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969 г. / Ред. колл.: Б. А. Рыбаков и др. Киев, 1972. С. 55–66; 2) Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1978. С. 139–140; Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы генезиса феодализма у народов СССР / Ред. З. В. Удальцова. М., 1969. С. 26–27; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971. С. 13–14; Паишут В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П., Паишут В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 83–87;

Особенно активно эту проблему в последнее время разрабатывал А. А. Горский. Исследователь, опираясь на проведенный им анализ этнонимов, пришел к выводу, согласно которому в результате «Расселения VI–VIII вв.» племенная структура славянского общества была разрушена «и сформировались новые общности, носившие уже в основном не кровнородственный, а территориально-политический характер». Поскольку «называть их "племенами" или "союзами племен" неверно фактически», А. А. Горский предложил их именовать, соответственно, *племенными княжествами*, а когда речь идет об их объединениях — *союзами племенных княжеств*. Вскоре и те, и другие он стал называть *славиниями*¹. Основная причина таких нововведений — «стремление по возможности представить историю Руси в терминах изучаемой эпохи». Так как «у самих раннесредневековых славян особого термина для обозначения догосударственных территориально-политических общностей не было», то А. А. Горский предлагает использовать название из византийских источников (т. е. «славинии»). «Продолжение... использования понятия "племя", — считает он, — будет затемнять

Фроянов И. Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Л., 1991. С. 62–64; Пузанов В. В. К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы научной конференции, посвященной 20-летию юбилею Удмуртского гос. ун-та. Ижевск, 23 октября 1992 г. / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 1993. С. 24–26; Шишкин И. Г. Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е гг.). Автореф. дисс. на соискание степени к. ист. наук. Екатеринбург, 1997. С. 18–19; Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160–177; Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10 К 1150-летию зарождения российской государственности / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2012. С. 32–48.

¹ Горский А. А. 1) Феодализация на Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 82–83; 2) Русь в конце X — начале XII вв.: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // Отечественная история. 1992. № 4. С. 159, прим. 11; 3) Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 13–14; 4) Первое столетие Руси. С. 32–48; Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов... С. 160–177, и др.

картину, поскольку этнополитическая структура раннесредневекового славянства была уже... постплеменной». Поэтому термины «племенное княжество» и «союз племенных княжеств», по мнению исследователя, следует «употреблять только тогда, когда надо специально подчеркнуть, какой из двух типов славиний — небольшие догосударственные общности или их объединения — имеется в виду»¹.

В последних работах А. А. Горский полностью отказался от использования понятий *племенные княжества* и *союзы племенных княжеств*, не только потому, что «такая терминология... не очень удобна в употреблении (так как требует двух-трех слов)», но и потому, что применение «определения “племенное” сохраняет иллюзию, что эти общности носили все же родоплеменной характер». Целесообразнее, по его мнению, использовать понятия *славинии* («для обозначения славянских догосударственных образований») и *союзы славиний* (когда речь идет об образованиях, состоящих из нескольких общностей)². *Славинии*, в том числе и восточнославянские, А. А. Горский типологически охарактеризовал как *вождества*³. Процесс становления государства у восточных славян, по его мнению, шел по пути объединения простых вождеств в сложные⁴. При этом автор, как и многие исследователи до него, попытался привлечь на свою сторону летописца, поставив его, таким образом, у истоков современной теории вождеств: «Отметим, что слово “княжение”, которым автор ПВЛ обозначил этап в развитии организации “славиний” Восточной Европы, есть точный древнерусский эквивалент англ. *chiefdom* — “вождество”. Т. е. древнерусский книжник определил устройство восточнославянских догосударственных общностей тем же словом, что вошло в обиход современных этнологов, только восемь с половиной веками раньше...»⁵.

Вряд ли такой подход можно считать продуктивным. С тем же успехом, например, можно применять древнерусское «чюдь» или

¹ Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 7, 13–14 и др.

² Он же. Первое столетие Руси. С. 35.

³ Там же. С. 36–48.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 42, прим. 140.

«язычи» в качестве термина для обозначения финно-угорских «территориально-политических общностей». К тому же, в русских источниках имеется терминология, характеризующая восточнославянские «территориально-политические общности» (выражаясь языком А. А. Горского), такие как *поляне*, *древляне* и др. Например — *земля*¹. А. А. Горский не использует этот термин по той причине, что «в летописных известиях о славянских союзах племенных княжеств IX–X вв. употребление термина “земля” (применявшегося в XI–XII вв. по отношению к суверенным государствам) может быть модернизацией»². Данное положение базируется на ошибочных выводах автора, согласно которым понятие *земля* в Древней Руси обозначало собственно государство, а понятие *волость* — его составную часть³. Факты же свидетельствуют о том, что понятие «земля» могло использоваться разными книжниками не только «по отношению к суверенным государствам», но и для обозначения их составных частей (например, волостей) и, как мы видели, в отношении «племенных» территорий. Понятия *земля*, *страна*, *волость*, *область* книжниками XI — начала XII вв. четко не разделялись и зачастую использовались как синонимы⁴.

Положения и выводы А. А. Горского напоминают «игру в термины»⁵. По верному замечанию В. Я. Петрухина, «термин “племя” относится к “естественному” русскому (и древнерусскому)

¹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Ср.: «Аскольдъ же и Дирь... начаста владети Польскою землею» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21); «Реша же Древляне: “Посла ны Деревьска земля... Бяше бо мужъ твой аки волкъ, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распустили суть Деревьскую землю...”» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–56); «Се слышавше, Древляне собраша лучшие мужи, иже деръжху Деревьску землю...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57), и др.

² Горский А. А. 1) Русь в конце X — начале XII вв. С. 154–158; 2) Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 14, прим. 12, и др.

³ См.: Пузанов В. В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (X — начало XII вв.): историко-антропологические очерки. Ижевск, 2012. С. 7–9.

⁴ Там же. С. 13–180.

⁵ Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 308–309, прим. 205.

языку, и значение его связано с доминантой кровнородственных отношений над государственными (в историческом контексте). В этом смысле его употребление в историографии едва ли может вызвать возражения»¹. Показательно, что в определенных случаях этнополитические образования летописец характеризовал понятием «род». Данный термин мог применяться как ко всему объединению («мы от *рода Рускаго*»²; «...мы (поляне. — В. П.) сидимъ, *родѣ* ихъ, платяче дань козаромъ»³), так и отдельным его составляющим («И избѣрашася 3 братья с *роды* своими [и] пояша по собе всю *Русь*, и придоша...»⁴; «*Подем* же жившемъ особе и володеюшемъ и *роды* своими... и живяху кождо родомъ своимъ на своихъ местахъ»⁵). Использование понятий «род» и «племя» показывает, что для летописца главной была не политическая, а этническая составляющая всех этих образований. Поэтому и вхождение «племен» в состав Киевской Руси осмысливалось в плане адопции — введения (наречения) Олегом их в свой род (в *Русь*): «И рече Олегъ: “Се буди мати градомъ рускимъ”. И беша оу него варязи и словене и прочи прозвашася “*русью*”»⁶.

Определение типологии восточнославянских «летописных племен» («княжений») требует детального анализа их структуры, управления и власти. До настоящего времени и тезис о «племенных княжениях», и тезис о «вождествах» по отношению к ним основывался, фактически, на одном показателе письменных источников — наличии князей (вождей)⁷ (этнографические данные по вождествам в отношении Европы отсутствуют, а археологические признаки не-

¹ Петрухин В. Я. Русь IX–X вв. От призвания до выбора веры. М., 2013. С. 134–135, прим. 94.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32–33, 46.

³ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 13.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

⁵ Там же. Стб. 9.

⁶ Там же. Стб. 23; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 17. Подробнее см.: Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 270.

⁷ Так, А. А. Горский, задаваясь вопросом, являлись ли восточнославянские догосударственные общности племенами или вождествами, пытается ответить на него поиском упоминаний источников о вождях и знатных родах (Горский А. А. Первое столетие Руси. С. 36–48).

надежны¹). Но наличие института вождя само по себе не свидетельствует в пользу *вождества*, равно как и *военной демократии*. Важны сущностные характеристики. Согласно принятым в современной политической антропологии критериям, *военная демократия* — «горизонтально организованная структура», в рамках которой «динамически сосуществуют три равноправных органа управления: народное собрание (или собрание воинов), совет старейшин и вождь. В вождестве народ отстранен от непосредственного управления. *Вождество* является не горизонтально, а вертикально организованной формой управления (...) Вождества более централизованы. В них более ярка иерархия поселений, ярче выражена социальная стратификация общества»².

Если исходить из данных критериев, то известия византийских авторов о системе управления в «славиниях» (троичная система организации власти: *князь — совет старейшин — народное собрание*) указывают на стадию военной демократии³. В отношении восточных славян, к сожалению, нет сколько-нибудь репрезентативных сведений. Наиболее ценны известия ПВЛ о *древлянах*, как в плане характеристики потестарной организации, так и с точки зрения анализа системы отношений с Киевом. Уникальность *древлянских сюжетов* ПВЛ объясняется не особенностью этнополитической организации древлян, а драматизмом событий, вызванных гибелью великого князя Игоря Рюриковича. Поэтому эти сведения можно использовать и для реконструкции потестарно-политической организации других «летописных племен», и для характеристики взаимоотношений Киева с подвластными «племенами» в целом. Поскольку сюжет общеизвестный, я не буду останавливаться на его пересказе, а перейду к непосредственному анализу текста.

Структура Древлянского объединения, в общих чертах, реконструируется по информации ПВЛ и Новгородской первой летописи

¹ Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства в восточно-европейской историографии. С. 45–55.

² Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М., 1995. С. 19, 21 и др.

³ Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности // История России: Народ и власть / Сост. А. Ю. Сандулов. СПб., 1997. С. 11–15.

младшего извода¹. Так, осуждая алчность Игоря, древлянские послы обращаются к Ольге со словами: «Посла ны Деревьская земля, ркуще сице: мужа твоего оубихомъ, бѣшетъ бо мужъ твой аки волкъ, восхышая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за нашъ князь за Мать»². Вероятно, фраза «наши князи добри суть» имеет в виду не только Мала и его предшественников, но и князей рангом ниже, возглавлявших малые племена и сидевших в *градах*, в которых древляне «затворишася» после неудачного сражения с киевским войском: «Древляне же побегоша и затворишася в градахъ своихъ»³.

Об этих же *градах* говорит Ольга, обращаясь к жителям Искоростеня: «Что хотите доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делаютъ нивы своя и земле своя, а вы хотите измерети гладомъ, не имучися по дань»⁴. Б. А. Звиздецкий обратил внимание, что количество выявленных археологами древлянских городищ (20)⁵ совпадает с количеством послов, отправленных древлянами к Ольге («И послаша древляне лучышие мужи, числомъ 20, в лоды къ Ользѣ»)⁶. Это позволило ему сделать предположение, что «20 лучших "мужей"» являлись представителями 20 небольших племен, входивших в древлянский союз... «Грады» были «резиденциями» родоплеменной верхушки 20 племен Древлянской земли. Князья этих племен были подвластны искоростеньскому Малу — вассалу киевского князя Игоря»⁷. «Племенные города» являлись «младшими» по отношению к старшему Искоростеню, в котором и

¹ Далее ссылки даются на ПВЛ (Лаврентьевского и Ипатьевского списков).

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–56; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 44.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 46.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 47.

⁵ Звиздецкий Б. А. 1) Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древлянської землі // Український історичний журнал. 1990. № 3. С. 77–81; 2) Про деякі особливості древлянських городищ VIII–X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 41–50.

⁶ «И послаша древляне лучышие мужи, числомъ 20, в лоды къ Ользѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

⁷ Звиздецкий Б. А. Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древлянської землі. С. 81. 20 племен у древлян, 20 сотен

принимались важнейшие решения от лица всей «Древлянской земли»¹. Эти наблюдения коррелируют с выводами Г. Ловмянского о топографии «больших» и «малых» славянских племен².

Таким образом, у древлян есть князь Мал и, видимо, подвластное ему племенное князьё. Есть также «лучшие» и «нарочитые» мужи. *Лучшие*, судя по всему, это люди, добившиеся социального положения своими личными достоинствами, а *нарочитые* («лучшие... иже дерьжаху Деревьску землю»), т. е. приобретшие достоинство по рождению, — представители древлянского нобилитета (в том числе, княжеских родов)³. Таким образом, становится понятным требование Ольги прислать к ней сватами «нарочитых мужей» — погубив их, она обезглавливала «малые племена». Не случайно последние потом легко покорились под дань⁴, тогда как Искоростень, где находился князь Мал, оказал упорное сопротивление. Показательно, что о подчинении «малых племен» ПВЛ ничего не говорит. Видимо, сам факт избияния «нарочитых мужей» должен был лишить их, по мнению летописца, воли к сопротивлению.

Как выстроена система власти у древлян согласно летописному рассказу? «Нарочитые мужи» управляют («держат») Древлянской землей, представляют (вместе с «лучшими» мужами) Древлянскую землю перед внешним миром⁵. Однако принимают решения «древ-

в Новгородской земле... Не следствие ли это дуального деления родов, наложенного на десятичную систему?

¹ Подробнее см.: Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности. С. 39.

² *Łowmiański H. Początki Polski*. Warszawa, 1970. Т. 4. S. 33–46.

³ Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 568.

⁴ «Что хотите доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя...» — обращается Ольга к защитникам Искоростеня (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 47).

⁵ «И послаша деревляне лучшие мужи, числомъ 20, влоды къ Ольгѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43); «Пославши Ольга къ деревлянѣмъ, рече имъ: "Да аще мя просити право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велице чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене люде киевстии". Се слышавше, деревляне собрашася (в Радзивилловской и Ипатьевской летописях: **изъбраша**. — В. П.) лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56–57; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 45).

ляне»: постановляют убить Игоря¹, вступают с ним в переговоры², убивают Игоря¹, решают взять Ольгу замуж за своего князя Мала⁴ (для того чтобы, по понятиям того времени, возобладать над киевлянами, ведь брак с Ольгой легализовал бы право Мала на Киев и Киевскую землю); дважды посылают к Ольге послов³, обращаются к ней с вопросом о судьбе посольства⁶, вступают в переговоры во время осады Искоростеня⁷, собирают дань птицами⁸ и т. д. Ольга, в свою очередь, апеллирует не к князю Малу, не к «нарочитым» и «лучшим» мужам, а к *древлянам*⁹.

Естественно, встает вопрос, а кто такие «древляне»? В каждом конкретном случае летописец понимал под ними разные слои: одно

¹ «Слышавше же деревляне, яко опять идеть, съдумавше со княземъ своимъ Маломъ: "Аще ся въвадитъ волкъ въ овце, то выносить все стадо, аще не оубьютъ его; тако и се, аще не оубьемъ его, то все ны погубитъ"» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

² «Послаша к нему, глаголюще: "Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань"» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

³ «И вышедше изъ града Изъкоростеня противу деревляне оубиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

⁴ «Реша же деревляне: "Се князя оубихомъ рускаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, якоже хошемъ"» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

⁵ «И послаша деревляне лучшии мужи, числомъ 20, в лодыи къ Ользе» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43). «Се слышавше, деревляне **изъбраша** лучшии мужи, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ню» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56–57; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 45).

⁶ «И ркоша деревляне къ Олзе: "Кде суть друзе наши, ихъже послахомъ по тя?"» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 45; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57).

⁷ «Деревляне же ркоша: "Ради ся быхомъ яли по дань, но хоцещи мышати мужа своего"» и сл. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 47).

⁸ «Деревляне же... собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 59; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 47).

⁹ «Пославши Ольга къ деревлянном, рече имъ: "Да аще мя просити право, то пришлите мужа нарочиты"...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56–57; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 45). «И посла къ деревлянном, ркуши сиче: "Се оуже иду к вамъ, да пристройте меды многи въ граде, идеже оубисте мужа моего, да плачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему"» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 45); «И стоя Ольга лето цело, и не можаше взяти города, и умысли сиче: посла къ городу, ркуши: "Чего хоцете доседети?...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 47; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58).

дело «древляне», которые посылают посольство, и другое — «древляне» как собирательное название древлянских послов. Естественно, нас интересует первый случай. Дважды летописец приоткрывает завесу над этими *древлянами*: 1) когда мы узнаем, что понятия *послали древляне* и *послала Древлянская земля* — синонимы¹; 2) когда древлянские представители, после выплаты дани голубями и воробьями, вернулись в город и поведали «людемъ» о том, что Ольга обещала на утро снять осаду².

Таким образом, *древляне* — *Древлянская земля* — *люди* выступают в качестве синонимов. «Лучшие» и «нарочитые» мужи — часть *Древлянской земли*, также как и те древляне, которых перебили Ольгины отроки у могилы Игоря в количестве 5000, и те *люде*, которым послы поведали о том, что Ольга согласилась взять дань и прекратить осаду. «Земля» в данном случае (и в соответствии с древнерусской книжной традицией в целом³) обозначает единство территории, народа и власти. При этом понятия *народ*, *власть*, *войско* могли выступать в качестве синонимов. «Держат» землю (управляют ею) «нарочитые мужи». Показательно, однако, что не сами «лучшие» и «нарочитые» мужи (хоть последние и «держат» землю) принимают решение отправиться к Ольге, а посылают их древляне, Древлянская земля. Таким образом, принимают решения все «люди» — вече. Однако чтобы сокрушить древлян, основной удар Ольга направляет на «лучших» и «нарочитых» мужей. Если учесть, что тогда социальный статус человека определялся либо происхождением, либо «удачей», что в глазах общества делало его

¹ «Реша же деревляне: "Се князя оубихомъ рускаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хошемъ". И послаша деревляне лучшии мужи, числомъ 20, в лодии къ Ользе». По прибытии же сказали послы Ольге: "Посла ны Деревьская земля, ркуще сие: мужа твоего оубихомъ, бяшетъ бо мужъ твой аки волкъ, восхыша и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за нашъ князь за Маль"» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–56; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43–44).

² «Деревляне же ради бывше, вѣнидоша в градъ и поведаша людемъ, и обрадовашася люде в граде» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 59; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 47–48).

³ Пузанов В. В. Государство и общество Древней Руси глазами современников... С. 178–180.

носителем определенных качеств, легко понять действия Ольги: уничтожая *знать*, она уничтожала, по понятиям того времени, *силу* и *удачу* древлян.

Какова же была роль князя у древлян? Образ Мала пассивен и растворяется в коллективном образе древлян. Мал фигурирует при принятии решений один раз, но и здесь главным субъектом действия выступают древляне: «Съдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ...»¹. Незаметен Мал и в качестве организатора войска: если Ольга «... пристрой воя на прокъ ихъ» (древлян), то против нее вышли *древляне* («И изыдоша деревляне противу...»), а не Мал². Функции древлянских князей выражены словом «распасли»³. Это понятие переводят по-разному; по смыслу получается — *расплодили* и *обустроили*. Соблазнительно увидеть здесь сакрального правителя, который не отягощен административной рутинной, ублажает многочисленных жен и наложниц, обеспечивая, тем самым, благополучие земли: делает все, чтобы «распаста» ее. Управляют же «нарочитые мужи» (вероятно, речь идет о родоплеменной знати — главах родов и племен, «ниже держаху» Древлянскую землю). В то же время, Мал должен присутствовать на общественно значимых мероприятиях (народных собраниях, жертвоприношениях, приеме послов и пр.), касающихся благополучия древлян и Древлянской земли, обеспечивая тем самым необходимую сакральную защиту и помощь богов.

Однако, как ни соблазнительна такая точка зрения, для нее нет достаточных оснований. Вполне возможно, что пассивность Мала, по сравнению с Ольгой, объясняется особым вниманием летописца к княгине и тем обстоятельством, что книжник понимал разницу в характере власти между князем формирующейся Руси и князем отживавших свой век союзов племен, в котором равнозначны были три органа власти — вождь, совет знати, вече. Показательно, тем не менее, что и Владимир Мономах воспринимал борьбу с вятичами (теми из них, кто еще не покорился Киеву) как борьбу с князем Ходотой и его сыном («А въ вятичи ходихомъ по две зиме, на Ходо-

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 46.

³ См. выше, прим. 1 на с. 17.

ту и сына его...» — писал князь в Поучении)¹. Вряд ли власть Ходоты, затерявшегося в глухих вятичских закутках вместе со своими соплеменниками, принципиально отличалась от власти Мала. Следует учитывать, что словом «распасли» книжник мог противопоставлять не только древлянских князей Игорю, но и киевских князей языческой поры Владимиру Святославичу и его потомкам. Мал, скорее всего, не персонифицирован в поступках потому, что книжник ничего конкретного о нем не ведал. Вполне возможен и расхожий летописный штамп, когда указывается предводитель одной лишь стороны (чаще всего — нападавшей), а вторая сторона скрывается за собирательным названием («ятвяги», «суздальцы» и т. п.). Например: «Иде Володимирь на ятвяги и победи ятвяги...»²; «Иде Всеволодь на Суздаль ратью... И бишася на Ждане горе...»³ и т. п.

Схожая система организации власти (князь — *совет старейшин* — *вече*), но с большей ролью князя в административном управлении, представлена у русов в тексте V книги «Продолжателя Феофана», повествующем о крещении Руси во второе патриаршество Игнатия (847–858, 867–877 гг.). Автором V книги, посвященной жизнеописанию византийского императора Василия I Македонянина⁴, традиционно считается Константин Багрянородный⁵. В рассказе, больше похожем на легенду и содержащем фантастические подробности, содержится все же зерно истины. И заключается оно не в мнимом крещении русов во второй половине IX в. и не в чуде с Евангелием, а в отражении автором современных ему исторических реалий, характеризующих государственный строй Руси середины X в., о котором Константин был хорошо информирован. Согласно тексту, Василий щедрыми дарами убедил русов креститься и принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82.

³ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 23.

⁴ «Историческое повествование о жизни и деяниях славного царя Василия, которое трудолюбиво составил из разных рассказов внук его Константин, царь в Бозе ромеев».

⁵ Константин VII Багрянородный, византийский император (913–959 гг.). Доводился внуком Василию I Македонянину (император в 867–886 гг.).

Показательно, что вопрос о крещении решался на вече: «Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея¹, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому Завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: "Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках и печи², не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим"». Помолившись, архиепископ бросил по требованию русов в огонь Евангелие, которое осталось «невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповоронки книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величиною чуда и уже без сомнений приступили к крещению»³.

Константин Багрянородный весьма точно описал состав веча (князь, старейшины, народ), процедуру проведения и принятия на нем решений, и потому не доверять ему нет оснований.

В общем, имеющиеся сведения о «летописных племенах», равно как и особенности социально-политического строя домонгольской Руси (для которого характерна огромная роль города и веча⁴), не

¹ Архиепископа, рукоположенного Игнатием.

² Имеется в виду библейская легенда, согласно которой царь Навуходоносор велел бросить в печь трех еврейских отроков, отказавшихся поклоняться идолам. Они вышли из печи невредимыми (Дан. Гл. 3).

³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Изд. 2-е, испр. и доп. / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 2009. V. 94. С. 213–214. То, что в решении о крещении Руси было задействовано вече, свидетельствует и Пролог начала XIII в., несколько уточняющий известия ПВЛ. Так, согласно Прологу, Владимир, вернувшись в Киев из Корсуня, «изби вся идолы... Посемь созва все множество людей и заповеда имъ креститися, нарекъ имъ день...» (Из Пролога // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII вв. СПб., 1999. С. 402). Конечно, в Пролог могли переноситься современные политические реалии на древний период, и это следует учитывать.

⁴ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства

позволяют классифицировать восточнославянские этнополитические образования VIII–IX вв. как *вождества*. Наличие потестарной триады *князь, совет старейшин, народное собрание* характерно для эпохи *военной демократии*.

В этой связи особое внимание привлекают выводы Н. Н. Крадина, одного из ведущих теоретиков в области политической антропологии и наиболее авторитетного отечественного специалиста по проблеме *вождеств*. Исходя из теории многолинейной эволюции, Н. Н. Крадин не считает вождество «универсальным способом трансформации» догосударственных обществ в раннегосударственные¹. Одной из альтернатив *вождеству*, по его мнению, являлась *гетерархия*². Допуская существование вождеств у восточных славян во второй половине I тыс. н. э.³, в Древней Руси он видит совокупность «этнически и культурно близких политий разной степени структурированности: от сложных вождеств до гетерархических протогородских республик». При этом исследователь предполагает, что гетерархическую модель на Русь принесли викинги⁴.

Вряд ли с последним положением можно безоговорочно согласиться. Славянское общество на начальном этапе расселения (VI в.) было более архаичным, чем германское начала экспансии на территорию Западной Римской империи: меньшая степень развитости институтов собственности, аристократических элементов, менее

Древней Руси. Л., 1988; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999; Петров А. В. От язычества к Святой Руси: Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003, и др.

¹ Крадин Н. Н. 1) Вождество: современное состояние и проблемы изучения. С. 19–21; 2) Политическая антропология. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004. С. 170–174; 3) Проблемы государственности на Руси в свете теории многолинейной эволюции // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 147–150; 4) Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии. С. 211–239.

² Он же. 1) Проблемы государственности на Руси... С. 147–149; 2) Становление государственности на Руси... С. 229–232.

³ Он же. Становление государственности на Руси... С. 214–215.

⁴ Он же. 1) Проблемы государственности... С. 149; 2) Становление государственности... С. 231–232.

жесткая стратификация в целом (в том числе и более выраженная архаичность рабства), неразвитость потестарных структур, и т. п.¹ Еще более архаичным оно было по сравнению с современными ему варварскими обществами германской Европы VI–VIII вв. Поэтому, скорее всего, речь можно вести о консервации эгалитарных черт в условиях Восточной Европы и о «наложении» скандинавской «гетерархической модели» на восточнославянскую «гетерархическую модель», формировавшуюся на почве «военной демократии».

¹ Пузанов В. В. 1) У истоков восточнославянской государственности. С. 5–48; 2) О феодализме в России // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. 1999. № 3–4. С. 193–194.

Список авторов

Ашихмин Алексей Алексеевич — аспирант кафедры исторического регионоведения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Атанов Павел Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель (Сосновый Бор, Ленинградская обл.).

Вилкул Татьяна Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории НАН Украины.

Гагин Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета им. И. П. Павлова.

Гольцева Екатерина Владимировна — аспирант кафедры исторического регионоведения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Грузнова Елена Борисовна — кандидат исторических наук, заведующая отделом Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Исторического факультета Удмуртского государственного университета (Ижевск).

Конявская Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Университета Российской Академии образования, главный редактор журнала «Древняя Русь: вопросы медиевистики» (Москва).

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Кузьмин Сергей Леонидович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Михайлова Ирина Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Наливайко Роман Алексеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Петров Николай Игоревич — кандидат исторических наук, доцент, преподаватель училища благочестия С.-Петербургского подворья Константино-Еленинского женского монастыря.

Пузанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Исторического факультета Удмуртского государственного университета (Ижевск).

Сиренов Алексей Владимирович — доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАН.

Смирнова Дина Дмитриевна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

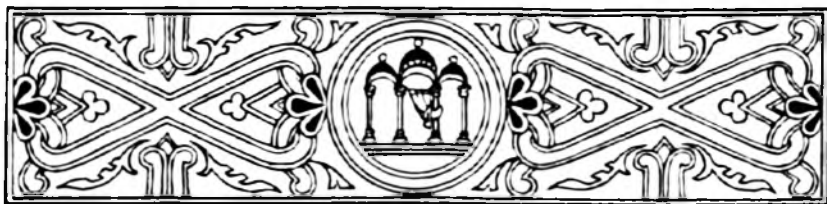
Соколов Роман Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры исторического регионоведения Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Тарасов Аркадий Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России до XIX в. Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Тарасова Наталья Петровна — историк, Санкт-Петербург.

Чекурин Леонид Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин Рязанского филиала Московского государственного университета культуры и искусств.

Шапошник Вячеслав Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Содержание

Мир «Повести временных лет» (вместо предисловия).....	5
<i>Пузанов В. В.</i> «Летописные племена»: проблема типологии	7
<i>Атанов П. А.</i> Аскольд и Дир: вопрос о вероятности соправления в Киеве	23
<i>Михайлова И. Б.</i> «Месть» княгини Ольги: символика действий и жестов полян и древлян	32
<i>Кривошеев Ю. В.</i> Из истории крещения Руси: принцесса Анна	44
<i>Гагин И. А.</i> Следы болгарских преданий в русских летописях	61
<i>Кузьмин С. Л.</i> Два сюжета о банях в Повести временных лет	73
<i>Вилкул Т. Л.</i> Как составитель Начальной летописи работал с Хроникой Георгия Амартола?	84
<i>Конявская Е. Л.</i> «Распорядок дня» наших предков по ранним письменным источникам	101
<i>Грузнова Е. Б.</i> Отражение княжеского культа в русских летописях	109
<i>Ашихмин А. А.</i> Образ Олега Святославича в Повести временных лет	127
<i>Долгов В. В.</i> Проблема функционального назначения текстов в древнерусской культуре XI–XVII вв.: неутилитарные тексты, «тексты не для чтения»	136
<i>Сиренов А. В.</i> О времени создания Летописца владимирского Успенского собора	147

<i>Наливайко Р. А.</i> К вопросу о хронологии русских известий «Анналов Польши» Яна Длугоша	162
<i>Смирнова Д. Д.</i> Новгородская епархия последней четверти XV–XVI вв. в отечественной историографии	171
<i>Шапошник В. В.</i> Русские летописи XVI в. о болезни и смерти Василия III	190
<i>Петров Н. И.</i> «Великое смятение» во Пскове в 1540 г.	206
<i>Тарасов А. Е., Тарасова Н. П.</i> «Летописец о зачатии Бежецкого Верху Николаевского Антониева монастыря»: Время и обстоятельства создания	226
<i>Чекурин Л. В.</i> Летописи и их составители в трудах Д. И. Иловайского	252
<i>Гольцева Е. В.</i> Избрание М. К. Любавского в действительные члены АН СССР и «Академическое дело» 1929–1931 гг.	265
<i>Майоров А. В.</i> Малоизвестные списки русских летописей в зарубежных рукописных собраниях	277
<i>Соколов Р. А.</i> К вопросу об установке стелы на месте Невской битвы 1240 г.	292
<i>Список авторов</i>	300

